

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 3. С. 50–63.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2021. Vol. 4, no. 3. P. 50–63.

Научная статья / Original article

УДК 821.161.1

doi:10.17323/2658-5413-2021-4-3-50-63

ДОСТОЕВСКИЙ КАК ОБОЗРЕВАТЕЛЬ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Владимир Николаевич Захаров

Петрозаводский государственный университет,

г. Петрозаводск, Республика Карелия, Россия,

vnz01@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-2709-4145>



 **Аннотация.** Среди социальных и литературных ролей Достоевского есть одна, которая не привлекла внимание исследователей. Он был не только романистом, философом, журналистом и редактором, но и обозревателем международных событий. Интерес Достоевского к мировой политике проявился в связи с Крымской войной (1853–1856). Свои новые убеждения Достоевский выразил в цикле политических стихотворений. В них сформулирована новая программа его литературной и гражданской деятельности. У Достоевского была своя концепция мировой истории и европейской политики, свое понимание причин и свои оценки исторических событий. Эти установки Достоевский последовательно реализовывал во всех изданиях, которые он редактировал. Для него история была личным поступком. В международных событиях его интересовали этические оценки поступков политиков, их идеи и идеалы. В этом журналистском жанре Достоевский дерзнул сказать новое слово. Свой опыт анализа мировой политики писатель реализовал в таком уникальном жанре, как «Дневник Писателя», который стал логичным развитием «Политических

обзрений» во «Времени» и «Эпохе», «Иностранных событий» в «Гражданине», в котором была создана универсальная модель творчества и понимания мировой истории.



Ключевые слова: Достоевский, иностранные дела, международная политика, международное обозрение, журналистика, обозреватель, жанр, «Дневник Писателя»



Ссылка для цитирования: Захаров В. Н. Достоевский как обозреватель мировой политики // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 3. С. 50–63. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2021-4-3-50-63>.

To the 200th Anniversary of F. M. Dostoevsky

DOSTOEVSKY AS A COLUMNIST OF FOREIGN POLICY

Vladimir N. Zakharov

Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russia,
vnz01@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2709-4145>



Abstract. Among the social and literary roles of Dostoevsky, there is one that has not attracted the attention of researchers. He was not only a novelist, philosopher, journalist and editor, but also a columnist of international events. Dostoevsky's interest in world politics was manifested in connection with the Crimean War of 1853–1856. Dostoevsky expressed his new beliefs in a series of political poems. They formulated a new program of his literary and civic activities. Dostoevsky had his own concept of world history and European politics, his own understanding of the causes and his own assessments of historical events. Dostoevsky consistently implemented these attitudes in all the publications that he edited. For him, the story was a personal act. In international events, he was interested in ethical assessments of the actions of politicians, their ideas and ideals. In this journalistic genre, Dostoevsky dared to say a new word. The writer realized his experience of analyzing world politics in such a genre as the writer's diary, which became a logical development of “Political Reviews” in “Time” and “Epoch”, “Foreign events” in “Citizen”. Dostoevsky created a unique genre — “The Writer's Diary”, in which a universal model of creativity and world history was implemented.



Keywords: Dostoevsky, foreign affairs, international politics, international review, journalism, columnist, genre, “Writer’s Diary”



For citation: Zakharov, V.N. (2021) ‘Dostoevsky as a Columnist of Foreign Policy’, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 4(3), pp. 50–63. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2021-4-3-50-63.

Достоевский в своем творческом делании развил разные способности и овладел многими амплуа. Он был военным инженером, профессионально чертил и искусно рисовал, писал драмы, стал романистом, фельетонистом, критиком, публицистом, редактором, был чернорабочим на каторге, служил солдатом, унтер-офицером, прапорщиком в Сибирском линейном батальоне и т. д. Ко многому, к чему причастен Достоевский, можно приложить эпитет, которым его метко наделил Альфред Бем, — *гениальный* («гениальный читатель» [Бем, 2007]): *гениальный писатель, гениальный редактор, гениальный журналист* и т. п. Он всему учился, владел многими видами творчества. Особенно продуктивен Достоевский был в журналистскую пору своей деятельности. В общем наследии писателя это 42% корпуса печатных текстов, опубликованных при его жизни [Захаров, 2013, с. 18].

Среди социальных ролей, освоенных Достоевским, есть одна, которая мало привлекла внимание исследователей. Он был политическим обозревателем, колумнистом — как сказали бы сейчас, комментатором международных событий. Как редактор журналов «Время» и «Эпоха», он был озабочен, чтобы в них исправно выходили ежемесячные обзоры европейской и мировой политики. Во «Времени» эти обзоры вел А. Е. Разин, литературный сотрудник, свободно владевший материалом, писавший много и охотно на темы мировой политики [Нечаева, 1972, с. 58–62, 155–174]. В «Эпохе», ввиду краткой истории журнала, такого сотрудника найти не удалось, рубрика была нерегулярной, пять политических обзоров написали случайные авторы, из которых два известны — А. А. Головачев, К. Немшевич. В подготовке обзоров участвовал и сам редактор — Ф. М. Достоевский [Нечаева, 1975, с. 73–97]. В «Гражданине» обзор «Иностранные события» вели Достоевский и В. Ф. Пуцыкович. Во всех изданиях Достоевский курировал, редактировал рубрику и сам писал обзоры мировой политики. Можно предположить, что его обращение к иностранным событиям возникло из редакционно-издательских потребностей. Наверное, так было бы с другими авторами и редакторами, но не с Достоевским. Он увлекся этим жанром.

Его интерес к мировой политике проявился в связи с событиями Крымской войны (1853–1856). В юности события мировой политики были для него историей. Он жил в мире искусств, поэзии, творчества. Его, как мечтателя, интересовали герои мировой истории, как «бывалого человека» — заграничный поход русской армии (1813–1815), как Ордынова — история Церкви.

Каторга изменила Достоевского: произошло «перерождение убеждений». Он узнал народ и сам, по его словам, стал *народом*. Суть того, что случилось, Достоевский выразил емкой формулой: «Идеи меняются, сердце остается одно» [Достоевский, 2003–2005, т. 15, кн. 1, с. 148].

Свои новые гражданские убеждения Достоевский засвидетельствовал в цикле стихотворений, которые были написаны в 1854–1856 годы по разным поводам политической жизни России: на европейские события (1854), на день рождения вдовствующей императрицы Александры Федоровны (1855), на коронацию Александра II и на заключение мира (1856). Их, как правило, не ценят, но в этих стихах Достоевский выразил выстраданные идеи о России и Европе, об исторических судьбах и назначении России, о Христе и христианстве, Церкви и Православии, власти и самодержавии.

Важный поэтический принцип всех стихотворений — принцип уподобления: современные политические испытания уподоблены войне 1812 года, испытания России — страданиям Христа, Церковь — телу Христову, вдовствующая императрица-мать — Богоматери, вступающий на престол царь — Петру I.

Политический повод каждого стихотворения конкретен. Откликаясь на «всесветную беду» Крымской войны, Достоевский продолжил давний, еще пушкинский спор с «клеветниками России», которые не знают и не понимают России, ее истории и предназначения.

Его гневные ямбы обличают предавших Христа и единоверных братьев. Для него противоестествен союз Франции и Англии с Турцией и очевиден кризис западного христианства:

Христианин за Турка на Христа!
Христианин, — защитник Магомета!
[Там же, т. 3, с. 9]

Проповедь Достоевского ясна и вдохновенна. Не политическая корысть, но призывание Христа возродит Францию и Англию и возвысит униженные народы. Христианской этике Достоевского чуждо разделение народов на первые и вторые, первые и последние, возвышенные и униженные, избранные и от-

верженные. Для него все народы равны в своей ответственности перед Богом и Христом.

Идеал России — Святая Русь. В этой максиме заключена русская идея Достоевского.

Спасемся мы в годину наваждений.

Спасут нас крест, святыня, вера, трон!

[Там же, с. 7]

Так метафорически на языке Достоевского выражена известная триада «Православие, Самодержавие, Народность», но в своеобразной поэтической редакции автора: Православие и Самодержавие — «вера, трон», широкое значение имеет слово «святыня», включающее в себя и Россию, и народ.

Для Достоевского назначение России состоит в христианском служении другим народам. Она спасает слабых, «всею младую жизнь дает»; властвуя, возрождает порабощенные славянские земли, защищает отуреченный Царьград, поруганную Святую Землю, Азию, где живут народы, ждущие заступничества России.

В стихах выражено представление о России как об опоре Православия, о Царьграде как мировой столице Православия, о Христе как грозном Судии и милостивом Спасителе, о православном Царе как справедливом защитнике обиженных и угнетенных.

В них сформулирован почти весь комплекс новых политических идей Достоевского.

Как ни странно, он признателен почившему Николаю I за каторгу. Наказание и покаяние открыли ему: «Что снова Русский я и — снова человек!» [там же, с. 11].

В стихотворении на заключение мира и коронацию Александра II выражены монархические убеждения Достоевского. Достоинство его концепции власти состоит не в том, что она оригинальна или содержит какие-то новые аспекты, но в том, что у нее есть тысячелетние основания: власть в России всегда *лицетворена*, у нее всегда есть *лицо*, она авторитетна.

В стихах этого поэтического цикла впервые столь откровенно и зримо проявляются религиозные чаяния Достоевского, его представления о Боге и Христе, его взгляд на Россию и мировую историю.

Чтобы «оправдать» Достоевского перед советской властью и либеральной общественностью, некоторые исследователи заявляли о неискренности и искренности писателя, который таким образом пытался добиться разрешения

печатать свои сочинения. Ради сохранения Достоевского в советском каноне Бахтин разделил монологическую философию и полифоническое творчество писателя [см.: Бочаров, 1993, с. 71–72; Есаулов, 1995, с. 131–135; Захаров, 2021, с. 9]. Сомнения в искренности убеждений Достоевского неуместны. Всей жизнью он доказал искренность своих поэтических деклараций и новых политических убеждений. Они были неизменны в жизни и творчестве писателя. В них сформулирована новая программа его литературной и гражданской деятельности. Она выражена в метафоре «почва», ставшей идеологемой «почвенничества» [Захаров, 2012].

Достоевский скептически оценивал исторический опыт республиканского правления в Европе, и прежде всего во Франции, был убежден в «безобразии» Новгородской республики, видел спасение в авторитете личной власти.

1860-е годы в мире — время непрерывных войн и передела границ. В политических обозрениях «Времени» и «Эпохи» дан анализ (цитирую рубрики) австрийских, итальянских, французских, прусских, английских, испанских, американских, англо-американских, турецких, австрийско-турецких, мексиканских «дел», но вместе с тем — как это выразилось в тезаурусе обозрений — Северо-американской войны, отмены невольничества в Соединенных Штатах, китайских переворотов, римского вопроса, польского восстания и других событий европейской и мировой политики (осад и взятия крепостей, бомбардировок городов, заседаний парламентов, политических интриг, принятия и отклонения законов и т. п.).

Особый интерес представляет рубрика «Иностранная события» в «Гражданине». Она была нерегулярной в еженедельнике до прихода Достоевского. В сентябре 1873 года ее ввел и вел Достоевский, постепенно готовя к ней сотрудника редакции В. Ф. Пуцыковича [Викторович, 2019, с. 201–212].

Содержание обзоров зависело от творческих возможностей авторов. Несмотря на то что авторы «Времени», «Эпохи», «Гражданина» писали политические обозрения по редакционному заданию, делали они это по-разному: у каждого был свой тезаурус, свои стилистические пристрастия, индивидуальное восприятие и понимание событий.

В. Ф. Пуцыкович, например, старался представить иностранные дела в занимательной журналистской подаче материала как события со своей интригой и отчасти с поучительной развязкой.

У Достоевского была своя концепция мировой истории и европейской политики, свое понимание причин и свои оценки событий, которых нет ни у кого из обозревателей.

Эти установки он последовательно реализовывал во всех изданиях, которые редактировал. Авторы «Времени» и «Эпохи» поддержали борьбу северных против южных штатов за отмену рабства и освобождение невольников. Почти всегда в положительном свете в журналах братьев Достоевских представляли итальянские дела. В Италии был герой, чья репутация обеспечивала положительную оценку Risorgimento [Мурзина, Новикова, 2020; Шварц, 2021], делала его правым и в победах, и в поражениях. Сочувствие авторов вызывала борьба за освобождение и единение Италии, деяния и подвиги Гарибальди.

Казалось бы, те же процессы объединения разрозненных княжеств и королевств происходили в Германии: на севере Европы возникала новая империя, но усилия князя Бисмарка не вызывали энтузиазма у Достоевского: он видел в этих делах угрозу будущих войн.

Монархиста Достоевского тревожил политический кризис во Франции 1873 года, когда решался вопрос, быть ли Франции монархией или республикой. Если будет восстановлена «древняя монархия», неизбежным следствием этого события станут новые войны Франции с Германией и Италией в защиту католичества и Папской области. Власть графа Шамборского в любом случае будет недолгой, некоторое время спустя его свергнут.

Достоевский объясняет, почему монархия во Франции обречена. Монарху нужно «принести с собою какую-нибудь **новую мысль**, сказать какое-нибудь такое **новое слово**, которое действительно имело бы силу **вступить в бой с злым духом целого столетия несогласий, анархии и бесцельных французских революций**» [Достоевский, 2003–2005, т. 11, с. 144–145]¹. Беда же в том, что никто не сформулировал и не произнес *новое слово* и некому бросить вызов «злому духу».

«Злой дух» — политическая метафора. Это нечто нематериальное, но реальное, это идеи, принятые к действию:

Заметьте что ведь этот **злой дух** несет с собою страстную веру, а стало быть действует не одним параличом отрицания, а соблазном самых положительных обещаний: **он несет новую антихристианскую веру, стало быть новые нравственные начала обществу; уверяет что в силах выстроить весь мир заново, сделать всех равными и счастливыми и уже навеки докончить вековую Вавилонскую башню, положить последний замковый камень ее.**

[Там же, с. 145]

¹ Во всех цитатах курсивом выделены слова, подчеркнутые Достоевским, полужирным черным шрифтом — подчеркнутые автором статьи. — *Примеч. ред.*

Эти пропагандистские технологии мы наблюдаем и сегодня. Корни слов новых *измов* другие, но суть та же.

В политическом кризисе во Франции Достоевского волнует вопрос, извлечет ли страна исторический урок из «принципов 89 года»?

Он упрекает Францию за эти принципы:

«Гениальная нация, наследовавшая древний мир, и 15 веков стоявшая во главе романских племен Европы, а в последние века имевшая неоспоримое первенствующее влияние и на все племена Европы почти тому век назад утратила ту живую силу которая двигала и питала ее столько столетий!» [там же, с. 174].

Для Франции этой «живой силой» была «католическая идея», но в конце XVIII века она «провозгласила себя на весь мир обновительницею человечества на новых началах, главною их носительницею и хранительницею»:

Эти новые начала, новые и самостоятельные начала человеческих будущих обществ, сами из себя исходящие и сами в себе живую силу почерпающие, были уже известные европейскому человечеству начала выработанной им цивилизации — т[о] е[сть] наука, государство и мечта о справедливости, основанной единственно на законах разума. Франция лишь провозгласила самостоятельность этих начал революционерно, т[о] е[сть] полнейшую независимость их от религии, а вместе с ней и от всяких преданий. Это делалось еще в первый раз в жизни человечества, и в этом состояла сущность французской революции.

[Там же, с. 175]

Ключевой причиной европейских войн и переделов границ Достоевский считал церковный (папский) вопрос, историческую борьбу католицизма и протестантизма.

На этом вопросе, по выражению Достоевского, «как бы колеблется вся политическая будущность Европы»: «Тут не только борьба римского католицизма и римской идеи всемирного владычества, которая умереть не хочет, не может и умрет разве с кончиною мира, — но, в зародыше, **и борьба веры с атеизмом, борьба христианского начала с новым грядущим началом нового грядущего общества, мечтающего поставить свой престол на месте престола Божия**» [там же, с. 136].

Достоевский отмечал, что, начав гонения на католиков, объединенная Германия делает услугу атеистам и социалистам: «Князь Бисмарк, конечно не вполне про то ведая, как бы подает, своим презрительным и деспотическим отношением к церкви в новой колоссальной Империи, основанию которой

столь способствовал политикою “крови и железа” — руку свою *новым людям, атеистам и социалистам*» [там же].

Достоевский был непримиримым критиком римского католичества, и особенно папы Пия IX, провозгласившего догмат о непогрешимости понтифика, требовавшего для Церкви власти Кесаря, оправдывавшего испанскую инквизицию.

В переписке Пия IX и императора Вильгельма Достоевского смешала претензия понтифика быть предстоятелем всех христиан — и католиков, и не католиков, но в гонениях на католиков Достоевский был на стороне гонимых и выступил в их защиту.

Он был не согласен с Пием IX, но в своих статьях по поводу иностранных событий выступил против принципов 1789 года в защиту католицизма, шире христианства.

Достоевский задает вопрос, что будет, если Рим оставит «надежду на королей» и «непогрешимый» папа Пий IX, с идеями которого он яростно спорил в романах и публицистике, вдруг выйдет **«к народу пеш и бос, ниц и наг, с армией двадцати тысяч бойцов иезуитов, искусившихся в уловлении душ человеческих. Устоят ли против этого войска Карл-Маркс и Бакунин?»** [там же, с. 146] — и дает ответ: «Вряд ли». Но едва ли и папа оставит королей и выйдет к народу: «...католичество так ведь умеет, когда надо, сделать уступки, всё согласить. А что стоит уверить темный и нищий народ, что коммунизм есть то же самое христианство, и что Христос только об этом и говорил. Ведь есть же и теперь даже умные и остроумные социалисты, которые уверены, что то и другое — одно и то же и серьезно принимают за Христа антихриста...» [там же].

Достоевский возобновил полемику, но оставил оппоненту возможность преобразования и обращения к Христу.

Впрочем, и это не окончательное слово политического обозревателя Достоевского. Он судил о мировой политике, создавая художественные модели познания, которые были изначально вариантно, находились в пределах возможного по вероятности или необходимости. Так понимал поэзию Аристотель. Так сознавал настоящее и будущее мира Достоевский. Аналитик был поэтом, мерой истории человечества был Христос.

Четыре года спустя в «Дневнике Писателя» за 1877 год он высказал иные, противоположные суждения о Бисмарке, римском папе, католичестве и социализме. Достоевский сочувствует борьбе Бисмарка с римским католичеством, которое он понимает как «светскую монархию папы» [Достоевский, 2003–2005, т. 12, с. 210], считает социализм «чудовищем» и порождением католицизма [там же, 277]. Политическим препятствием в этой борьбе была Франция, в кото-

рой и зародился социализм. Уничтожив Францию, Бисмарк лишь активирует католичество, которое будет вынуждено обратиться к народу и социалистам:

Народу оно скажет, что всё что проповедуют им социалисты, проповедывал и Христос. Оно исказит и продаст им Христа еще раз, как продавало прежде столько раз за земное владение, отстаивая права инквизиции, мучившей людей за свободу совести во имя любящего Христа, — Христа, дорожающего лишь свободно пришедшим учеником, а не купленным или напуганным. Оно продавало Христа, благословляя иезуитов и одобряя праведность «всякого средства для Христова дела». Всё Христово же дело оно искони обратило лишь в заботу о земном владении своем и о будущем государственном обладании всем миром. Когда католическое человечество отвернулось от того чудовищного образа, в котором им представили наконец Христа, то после целого ряда веков протестов, реформаций и проч[его] явились наконец, с начала нынешнего столетия, попытки устроиться вне Бога и вне Христа.

[Там же, с. 278–279]

Весьма показательна в этом контексте известная формула Достоевского «Константинополь должен быть наш», которую ему часто ставят в упрек. Сам писатель признал в «Дневнике Писателя», что эта «древняя русская историческая идея» прозвучала у него неловко: «У меня большая ошибка в том, что я начал прямо с конца, сказал результат, последнее слово моей веры. Беда до конца высказываться» [там же, с. 385].

Мысль писателя противоречива, неоднозначна и парадоксальна. В парадоксе отрицание и утверждение находятся в динамическом равновесии. Парадокс не есть истина, но способ ее проявления и усиления. Если парадоксу придать прямое значение, возникает неразрешимое противоречие, абсурд. В парадоксе важен переносный, скрытый смысл высказывания.

Логика и риторика Достоевского сложнее, чем интерпретации его критиков. Суждения автора парадоксальны: Константинополь должен быть наш, но его не нужно завоевывать: «Да, Золотой Рог и Константинополь — всё это будет наше, но не для захвата и не для насилия, отвечу я» [там же, т. 11, с. 439]. Хорошо было бы, если б он был наш, но завоевание Константинополя для себя — гибель России; лучше завоевать не для себя, а для всех. Завоевать для всех — перессорить всех со всеми. Международный статус Константинополя бесперспективен. Отдать город грекам, болгарам или славянам — не оценят, не будет никакой благодарности, до ненависти дойдет. Греки не примут Константинополь как столицу Всеславянства: «Если же теперь Царьград может

быть нашим и не как столица России, то равно и не как столица Всеславянства, как мечтают некоторые» [там же, т. 12, с. 440]. Лучше, если Царьград станет столицей Православия и т. д.

И снова: «рано ли поздно ли, а Царьград будет наш» [там же, с. 62].

Аргументы Достоевского: «Константинополь есть центр восточного мира, а духовный центр восточного мира и глава его есть Россия» [там же, с. 274].

«Восточный вопрос есть в сущности своей разрешение судеб православия. Судьбы православия слиты с назначением России. Что же это за судьбы православия? Римское католичество, продавшее давно уже Христа за земное владение, заставившее отвернуться от себя человечество, и бывшее таким образом главной причиной матерьялизма и атеизма Европы, это католичество естественно породило в Европе и социализм. Ибо социализм имеет задачей разрешение судеб человечества уже не по Христу, а вне Бога и вне Христа, и должен был зародиться в Европе естественно, взамен упавшего христианского в ней начала, по мере извращения и утраты его в самой церкви католической. Утраченный образ Христа сохранился во всём свете чистоты своей в православии. С Востока и пронесется новое слово миру навстречу грядущему социализму, которое может вновь спасет европейское человечество. Вот назначение Востока, вот в чем для России заключается Восточный вопрос» [там же, с. 275].

Достоевский жил в век империй и колоний, монархий и республик и мыслил этими категориями. Для него история была личным поступком, деянием и подвигом. В международных событиях его интересовали этические аспекты и оценки политических интриг и поступков политиков, их идеи и идеалы. Его уровень осмысления европейской политики был чрезвычайно высок. Никто из авторов политических обзрений журналов «Время» и «Эпоха», еженедельника «Гражданин» к такому уровню анализа и обобщений не был готов. Достоевский и в этом сугубо журналистском жанре дерзнул сказать новое слово.

Свой авторский и редакторский опыт обзрений мировой политики Достоевский не мог не реализовать в таком синтетическом жанре, как *дневник писателя*. Если «Дневник Писателя» за 1873 год существовал в контексте газетно-журнальных жанров и не стремился их интегрировать, то в его выпусках за 1876, 1877, 1880 и 1881 годы доминировала интеграция любых жанров, среди которых ведущими стали фельетоны, сценки, рассказы, анекдоты, маленькие картинки, критика и публицистика, внутренние новости. Важная роль в этом синтезе жанров отводилась обзорениям мировой политики.

Для годовых выпусков «Дневника Писателя» характерны преемственность и развитие «главной мысли». В «Дневнике» за 1873 год этой идеей стало еди-

нение интеллигенции и народа. Главной целью «Дневника» за 1876–1877 годы было «по возможности разъяснить идею о нашей национальной духовной самостоятельности и указывать ее, по возможности, в текущих представляющихся фактах», «стараться отыскать и указать, по возможности, нашу национальную и народную точку зрения и в текущих политических событиях» [там же, т. 12, с. 600].

В «Дневнике» 1876 года преобладала «народная точка зрения» на «Восточный вопрос», в «Дневнике» 1877 года — русская национальная идея в сопоставлении с другими национальными точками зрения. Пушкинская речь и полемика по ее поводу были изначально заданы в контексте мировой истории. В первом выпуске начавшегося «Дневника Писателя» за 1881 год Достоевский раскрыл потенциал русской идеи, которая «есть сила» и заключена в Православии, в народном понимании власти, в балансе интересов России в Европе и Азии, в духовной самостоятельности русских.

Совмещение в «Дневнике Писателя» «национальной и народной точек зрения» в контексте мировой истории и политики стало логичным развитием содержания «Политических обозрений» во «Времени» и «Эпохе», «Иностранных событий» в «Гражданине». Достоевский создал уникальный жанр — «Дневник Писателя», в котором была реализована универсальная модель творчества и мировой истории.

Список источников

Бем А. Л. Достоевский — гениальный читатель // Вокруг Достоевского: в 2 т. / под ред. А. Л. Бема. М.: Русский путь, 2007. Т. 1: О Достоевском: сборник статей. С. 206–218.

Бочаров С. Г. Об одном разговоре и вокруг него // Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 70–89.

Викторович В. А. Ф. М. Достоевский — редактор «Гражданина» (1873—1874). Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2019. 426 с.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 18 т. М.: Воскресенье, 2003–2005. 18 т.

Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: ПетрГУ, 1995. 287 с.

Захаров В. Н. Актуальность Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2021. Т. 8, № 1. С. 5–20. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5321

Захаров В. Н. Кодекс Достоевского: журнализм как творческая идея писателя // Достоевский и журнализм / под ред. В. Н. Захарова, К. А. Степаняна Б. Н. Тихомирова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 17–26.

Захаров В. Н. Почвенничество в русской литературе: метафора как идеологема // Проблемы исторической поэтики / отв. ред. В. Н. Захаров. Петрозаводск: ПетрГУ, 2012. Вып. 10. С. 14–24.

Мурзина С. В., Новикова Е. Г. Образ Гарибальди в творчестве Ф. М. Достоевского // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 460. С. 37–45.

Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861–1863. М.: Наука, 1972. 316 с.

Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864–1865. М.: Наука, 1975. 304 с.

Шварц Н. В. «Гарибальди» у Достоевского: дополнения к комментарию // Неизвестный Достоевский. 2021. Т. 8, № 2. С. 68–80. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5361

References

Bem, A.L. (2007) ‘Dostoevskii — genial’nyi chitatel’ [Dostoevsky is an Ingenious Reader], in Bem, A.L. (ed.) *Vokrug Dostoevskogo: v 2 tomakh. Tom 1: O Dostoevskom: sbornik statei* [Around Dostoevsky: in 2 vols. Vol. 1: About Dostoevsky: Collection of Articles]. Moscow: Russkii put’, pp. 206–218.

Bocharov, S.G. (1993) ‘Ob odnom razgove i vokrug nego’ [‘Around and About One Conversation’], *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2, pp. 70–89.

Dostoevskii, F.M. (2003–2005) *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works] (18 vols). Moscow: Voskresen’e.

Esaulov, I.A. (1995) *Kategoriya sobornosti v russkoi literature* [The Category of Sobornost’ in Russian Literature]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publ.

Murzina, S.V. and Novikova, E.G. (2020) ‘Obraz Garibal’di v tvorchestve F.M. Dostoevskogo’ [‘The Image of Garibaldi in Fyodor Dostoevsky’s Works’], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 460, pp. 37–45.

Nechaeva, V.S. (1972) *Zhurnal M.M. i F.M. Dostoevskikh “Vremya”. 1861–1863* [The Journal of Mikhail and Fyodor Dostoevsky “Vremya”. 1861–1863]. Moscow: Nauka Publ.

Nechaeva, V.S. (1975) *Zhurnal M.M. i F.M. Dostoevskikh “Epokha”. 1864–1865* [The Journal of Mikhail and Fyodor Dostoevsky “Epokha”. 1864–1865]. Moscow: Nauka Publ.

Shvarts, N.V. (2021) “‘Garibal’di’ u Dostoevskogo: dopolneniya k kommentariyu’ [‘Dostoevsky’s Garibaldi: Additions to the Commentary’], *Neizvestnyi Dostoevskii* [The Unknown Dostoevsky], 8(2), pp. 68–80. doi:10.15393/j10.art.2021.5361.

Viktorovich, V.A. (2019) *F.M. Dostoevskii — redaktor “Grazhdanina” (1873–1874)* [F.M. Dostoevsky — the Editor of “Grazhdanin” (1873–1874)]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publ.

Zakharov, V.N. (2012) 'Pochvennichestvo v russkoi literature: metafora kak ideologema' ['Pochvennichestvo in Russian Literature: The Metaphor as Ideologeme'], in Zakharov, V.N. (ed.) *Problemy istoricheskoi poetiki. Vypusk 10* [Problems of Historical Poetics. Issue 10]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University, pp. 14–24.

Zakharov, V.N. (2013) 'Kodeks Dostoevskogo: zhurnalizm kak tvorcheskaya ideya pisatelya' ['Dostoevsky Codex: Journalism as a Writer's Creative Idea'], in Zakharov, V.N., Stepanyan, K.A. and Tikhomirov, B.N. (eds) *Dostoevskii i zhurnalizm* [Dostoevsky and Journalism]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, pp. 17–26.

Zakharov, V.N. (2021) 'Aktual'nost' Dostoevskogo' ['The Relevance of Dostoevsky'], *Neizvestnyi Dostoevskii* [The Unknown Dostoevsky], 8(1), pp. 5–20.
doi:10.15393/j10.art.2021.5321.

Информация об авторе: В. Н. Захаров — доктор филологических наук, профессор, сотрудник Российского фонда фундаментальных наук, заведующий кафедрой классической филологии, русской литературы и журналистики Петрозаводского государственного университета, главный редактор журналов «Проблемы исторической поэтики», «Неизвестный Достоевский», Почетный президент и член совета директоров Международного общества Достоевского. Петрозаводский государственный университет. Адрес: Российская Федерация, 185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, д. 33.

Information about the author: V. N. Zakharov — DSc in Philology, Professor, Officer of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), Head of the Department of Classical Philology, Russian Literature and Journalism of Petrozavodsk State University, editor-in-chief of the journals "Problems of Historical Poetics", "Unknown Dostoevsky", Honorary President and member of the Board of Directors of the International Dostoevsky Society. Petrozavodsk State University. Address: 33 Lenin Str., Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185910, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.07.2021;
одобрена после рецензирования 01.09.2021;
принята к публикации 10.09.2021.

The article was submitted 29.07.2021;
approved after reviewing 01.09.2021;
accepted for publication 10.09.2021.